

УДК 341.96:347.4

Реализация принципа автономии воли сторон в международных коммерческих договорах

Д.П. Стригунова,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и трудового права
Государственного университета управления
Россия, Москва
dina_str@list.ru

Рассматриваются вопросы, связанные с применением принципа автономии воли сторон в международных коммерческих договорах. Автор обосновывает возможность применения норм национального законодательства и международных правовых актов и принципов в конкретных правоотношениях.

Ключевые слова: международный коммерческий договор, автономия воли сторон, ограничение автономии воли сторон.

Международный коммерческий договор является разновидностью сделки, осложненной иностранным элементом, участники которого имеют различную государственную принадлежность и/или местонахождение коммерческих предприятий на территории различных государств. Подобные договоры (контракты) опосредуют международную предпринимательскую деятельность сторон, их заключивших, и отличаются от аналогичных внутренних сделок, а также сделок, которые хотя и осложнены иностранным элементом, но заключаются с участием потребителя [14, с. 33].

Как известно, основополагающим принципом, действующим в сфере международного частного права и применяемым в том числе при заключении международных коммерческих договоров, является принцип автономии воли, следуя которому стороны подобного договора вправе самостоятельно выбирать право, подлежащее применению, а также по своему усмотрению устанавливать условия и содержание заключаемого договора.

Впервые мысль о возможности выбора права, применимого к договору, появилась в XVI веке. Основоположителем этого взгляда считается французский юрист Шарль Дюмулен [17, с. 11]. В настоящее время принцип автономии воли, именуемый также «lex voluntatis», нашел отражение в законодательстве ряда государств, в том числе в Гражданском кодексе Российской Федерации 1994 года (далее — ГК РФ), а также международных конвенциях: Кодексе Бустаманте 1928 года (Приложение к Конвенции о международном частном праве, вступившей в силу 25 ноября 1928 года), Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам 1994 года (далее — Межамериканская конвенция 1994 года), Гаагской конвенции № 27 о праве, применимом к агентским договорам 1978 года, Соглашении СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением

хозяйственной деятельности, 1992 года (далее — Соглашение СНГ 1992 года), Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года (далее — Конвенция СНГ 1993 года) и др.

Для реализации права выбора сторонам необходимо заключить соответствующее соглашение, которое возможно в двух вариантах — как оговорка о применимом праве, включенная в текст самого договора, или отдельное соглашение о применимом праве [12, с. 340]. При этом сторонам договора всегда важно знать, до какого момента они могут осуществить выбор применимого к договору права. В российском законодательстве, а также законодательстве других стран устанавливается, что стороны договора могут выбирать право при его заключении или в последующем (п. 1 ст. 1210 ГК РФ). Следовательно, моментом достижения сторонами согласия о выборе права может быть как момент заключения договора, так и все последующие стадии развития правоотношений между сторонами: исполнение договора, возникновение спора, рассмотрение спора в судебном или третейском порядке [2, с. 182]. При этом выбор права, сделанный после заключения договора, имеет обратную силу и считается действительным, без ущерба для прав третьих лиц и действительности сделки с точки зрения требований к ее форме, с момента заключения договора (ч. 3 ст. 1210 ГК РФ). Аналогичным образом выбор права не подлежит ограничению во времени и не затрагивает формальной действительности первоначального договора или прав третьих лиц, с точки зрения, например, ст. 8 Межамериканской конвенции 1994 года, ч. 2 ст. 3 Регламента Европейского союза № 593/2008 «Рим I» (далее — Регламент «Рим I»).

Выбор сторонами подлежащего применению к их международному коммерческому договору права может осуществляться путем

прямого волеизъявления либо в так называемой молчаливой форме, т.е. когда он вытекает из условий договора или обстоятельств дела. Подобные положения содержат ст. 7 Межамериканской конвенции 1994 года и ч. 1 ст. 3 Регламента «Рим I». Как отмечается в литературе, возможность суда выводить соглашение о выборе применимого права из условий договора либо обстоятельств дела, т.е. из любых элементов договора, дает неограниченную свободу судейского усмотрения [18, с. 145]. Отметим, что, например, Гражданским кодексом Перу 1984 года установлено, что договорные обязательства регулируются правом, прямо избранным сторонами.

В отечественном законодательстве правило о возможности осуществить как прямой, так и молчаливый выбор права содержится в ч. 2 ст. 1210 ГК РФ. Следует отметить, что в нашей стране еще в советское время сложилась арбитражная практика применения воли как прямо выраженной, так и молчаливой [5, с. 45]. Данное правило уже довольно длительное время находит свое применение в деятельности Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) при Торгово-промышленной палате РФ [3, с. 63]. В арбитражных судах указанный вопрос решается аналогичным образом [15, с. 176].

Следует отметить еще одно важное правило, сложившееся, в частности, в отечественной доктрине и судебной практике, следуя которому выбор сторонами суда, компетентного рассматривать возникший из заключенного договора спор, не означает автоматического (молчаливого) выбора подлежащего применению права. На указанное обстоятельство было обращено внимание, в частности, Высшим Арбитражным Судом РФ в п. 5 Информационного письма от 16 февраля 1998 года № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц».

В ст. 7 Межамериканской конвенции 1994 года прямо закреплено положение, согласно которому выбор сторонами соответствующего суда необязательно означает выбор применимого права. Напротив, в зарубежной доктрине находит применение и другое правило, в соответствии с которым «кто выбирает суд, выбирает право». Этого правила, в частности, придерживаются П. Майер, Б. Ауди, Х. Кох, Дж. Чешир и др. [4, с. 144; 19, с. 255].

При рассмотрении вопроса о выборе сторонами права, подлежащего применению к международному коммерческому договору, одним из главных является определение круга вопросов, на который такой выбор распространяется и который выступает своего рода ограничителем автономии воли сторон, связанным с содержанием обязательств [9, с. 381].

В международных и национальных правовых актах вне зависимости от того, избрано ли право сторонами либо оно определено судом на основе коллизионных норм, действует единое правило, устанавливающее сферу действия права, применимого к договору. Подобное правило закреплено в ст. 14 Межамериканской конвенции 1994 года, ст. 12 Регламента «Рим I», § 30 Указа Президиума Венгерской Народной Республики от 31.05.1979 № 13, в англо-американской судебной практике, а также ст. 1215 ГК РФ. Согласно последней правом, подлежащим применению к договору, в частности, определяются: толкование договора, права и обязанности сторон договора, исполнение договора, последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, прекращение договора, последствия недействительности договора. Однако применимое к договору право не регулирует вопросы действительности рассматриваемых договоров, включая их формальную действительность (ст. 1209 ГК РФ), а также вопросы право- и дееспособности ее участников (гл. 67 ГК РФ).

В отличие от российского законодательства, в нормативных правовых актах некоторых стран автономия воли подлежит так называемому пространственному ограничению. В этих странах действует принцип локализации договора, согласно которому стороны могут свободно выбирать право, но только такое, которое связано с данным договором. Указанный принцип широко применяется, например, в законодательстве и практике США. В частности, в ст. 1-105 Единообразного торгового кодекса США 1952 года (далее — ЕТК США) указывающим на такую «связь», т.е. локализирующим договор, правом может быть, например, ведение одной из сторон сделки коммерческой деятельности в данном штате [6, с. 528].

Кроме того, автономия воли может быть ограничена кругом сделок или договорных отношений, на которые она распространяется или не распространяется. Однако в новом национальном и международном законодательстве по международному частному праву, включая ГК РФ, автономия воли не подлежит подобному ограничению. Так, согласно Межамериканской конвенции 1994 года, Регламенту «Рим I», Соглашению СНГ 1992 года, Конвенции СНГ 1993 года, ст. 1210 ГК РФ стороны договора с иностранным элементом вправе выбирать право любого государства для регулирования своих отношений. Это означает, что стороны международного коммерческого договора могут выбрать право любой, в том числе третьей страны для его регулирования.

Стороны международного коммерческого договора могут избрать право, которое будет регулировать в целом обязательственный статус, либо подчинить отдельные части договора

праву различных государств, осуществив тем самым так называемый «депекаж», или «юридическую биотехнологию» [7, с. 170]. Подобная возможность предусмотрена ст. 8 Межамериканской конвенции 1994 года, ч. 1 ст. 3 Регламента «Рим I», ч. 4 ст. 1210 ГК РФ. Понятно, что договор не может подчиняться праву разных государств в случаях установления молчаливо выраженной воли сторон или права страны, с которой договор наиболее тесно связан в силу ст. 1211 ГК РФ [2, с. 123]. Выходит, что только стороны могут осуществить «юридическую биотехнологию», но не суд. Напротив, недопущение депекажа законодательством ряда стран может рассматриваться как одно из ограничений автономии воли [16, с. 76].

Возможность применения иностранного права, как избранного сторонами для регулирования их международного коммерческого договора, так и установленного судом для его регулирования на основании коллизионных норм, может быть ограничена судом государства, рассматривающего спор. Подобное ограничение допускается путем неприменения судом избранного сторонами иностранного права на основании оговорки о публичном порядке, которая закреплена в законодательстве большинства государств, включая Россию, в негативной форме.

Так, в соответствии со ст. 1193 ГК РФ норма иностранного права, подлежащая применению, в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации. В соответствии, например, с § 90 Свода правил США о конфликте законов 1971 года американский суд не может принять к рассмотрению иск, основанный на иностранном праве, если его принудительное удовлетворение будет противоречить публичному порядку праву суда, т.е. праву США [10, с. 23]. В Англии, где указанная оговорка выработана общим правом, судья может отказать в применении закона, свойственного договору, если такое применение противоречит английскому публичному порядку [11, с. 30]. В ст. 18 Межамериканской конвенции 1994 года и ст. 21 Регламента «Рим I» содержится правило о возможности суда отказать в применении избранного сторонами права лишь в том случае, если такое применение явно не совместимо с публичным порядком страны суда. Важно, что многие международные коммерческие арбитражи склонны придавать значение не публичному порядку какой-либо правовой системы, в том числе избранной сторонами, а так называемому общему международному публичному порядку, состоящему из основополагающих принципов [11, с. 30].

Другим ограничителем воли сторон является применение так называемых «сверхимпера-

тивных» норм, которые, не являясь частью публичного порядка, вместе с тем подлежат обязательному применению, практически устраняя коллизионные правила [8, с. 81]. В литературе указывается на неоднозначность определения круга норм, относимых к «сверхимперативным» в соответствии с законодательством того или иного государства, включая Россию [8, с. 85].

В российском законодательстве указанные нормы называются «нормами непосредственного применения», которые в целом можно разделить на:

а) нормы российского законодательства, в которых прямо об этом указано;

б) нормы российского законодательства, имеющие особое значение, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота. К ним, очевидно, могут быть отнесены нормы о защите прав потребителя.

Кроме того, в ч. 2 ст. 1192 ГК РФ содержится правило о возможности отечественного суда принимать во внимание «императивные нормы» какой-либо другой страны, имеющей, по мнению суда, тесную связь с данным правоотношением. На наш взгляд, в ч. 2 ст. 1192 ГК РФ речь также идет о «нормах непосредственного применения» какой-то другой страны, а не просто ее императивных нормах.

Правила об обязательном применении «строго императивных» норм закреплены в ст. 11 Межамериканской конвенции 1994 года, в которой речь идет о строго императивных нормах страны суда. В Регламенте «Рим I» также содержатся правила о «сверхимперативных нормах», которые именуются «преобладающими императивными положениями». Согласно ч. 1 ст. 9 Регламента «Рим I» преобладающими императивными положениями являются положения, соблюдение которых признается страной в качестве имеющего принципиальное значение для охраны ее публичных интересов, таких как ее политическое, социальное или экономическое устройство, в той степени, что они подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от того, какое право в ином случае подлежало бы применению к договору согласно Регламенту «Рим I». Интересно, что в соответствии с ч. 2 ст. 1193 ГК РФ отказ в применении нормы иностранного права не может быть основан только на отличии правовой, политической или экономической системы соответствующего иностранного государства от правовой, политической или экономической системы Российской Федерации. Кроме того, согласно ст. 21 Регламента «Рим I» суд не ограничен в применении преобладающих императивных положений права суда, а также может принимать во внимание положения права страны, где возникающие на основании договора обязательства

должны быть исполнены или были исполнены, в той мере, в какой эти положения делают исполнение договора незаконным. При решении вопроса о придании действия этим положениям должны учитываться их характер и цель, а также последствия их применения или неприменения.

С учетом изложенного, представляется, что приведенные положения о «сверхимперативных» нормах международного частного права, равно как и оговорка о публичном порядке могут рассматриваться в качестве общих ограничителей применения иностранного права, в том числе избранного сторонами, а следовательно, и автономии воли сторон в целом.

Помимо сказанного, законодательством международного частного права некоторых стран, в том числе России, предусмотрены специальные нормы, применимые только в определенном случае к сфере международных договорных отношений. Согласно ч. 5 ст. 1210 ГК РФ если в момент выбора сторонами договора подлежащего применению права все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства. Подобное положение содержится в ст. 11 Межамериканской конвенции 1994 года, согласно которой суду принадлежит право решения, будет ли он применять строго императивные нормы закона другого государства, с которым контракт имеет наиболее тесную связь. Согласно ч. 3 ст. 3 Регламента «Рим I» в случае, если на момент выбора права все остальные элементы ситуации находились в другой стране, чем та, чье право выбрано, то выбор сторон не должен наносить ущерба применению положений права этой другой страны, от которых не разрешается отступать посредством соглашения. Кроме того, ч. 4 ст. 3 Регламента «Рим I» содержит предписания относительно случаев, когда на момент выбора права все остальные элементы ситуации находятся в одном или нескольких государствах — членах Европейского Сообщества, то выбор сторонами иного подлежащего применению права, чем право государства-члена, не должен наносить ущерба применению положений права Европейского Сообщества, от которых не разрешается отступать посредством соглашения.

Таким образом, связь правоотношения только с одной страной и необходимость для суда применять «сверхимперативные» нормы этой страны выступает в качестве специального ограничителя автономии воли сторон международного коммерческого договора, которые подлежат применению лишь в случае, когда договор реально связан только с одной страной.

В целом при решении вопроса о применении и учете «сверхимперативных» норм можно согласиться с А.Б. Покровской, считающей, что такие нормы должны учитываться и соблюдаться как органом, рассматривающим спор, так и самими сторонами договора [12, с. 371]. Указанные нормы, имеющие обязательный характер, предпочтительно включать в текст самого договора и исполнять. В противном случае эти нормы будут применены органом, рассматривающим спор. Так, например, в практике МКАС имеются случаи применения «сверхимперативных» норм права страны, подлежащей применению для регулирования договорного обязательства.

Одним из важнейших вопросов, заслуживающих отдельного внимания, является вопрос о возможности при реализации сторонами международного коммерческого договора принципа автономии воли подчинить свой договор так называемому «*lex mercatoria*». Указывая в качестве применимого к заключаемому договору обычая международной торговли, стороны не только с их помощью формулируют условия договора, но и ориентируют суды на применение указанного в договоре права в случае возникновения спора.

Следует отметить, что международное и национальное законодательство, в том числе ГК РФ, до настоящего времени не содержит специальных указаний о том, что стороны вправе избрать в качестве применимого *lex mercatoria* в какой-либо его разновидности. В этой связи для большинства государственных судов, в том числе российских, указание сторонами международного коммерческого договора в качестве применимого права того или иного обычая международной торговли не означает выбора применимого материального права какого-либо государства. Такие обычаи либо считаются инкорпорированными в договор, либо применяются в качестве торгового обыкновения в дополнение к условиям договора и в целом подлежат применению вкупе с национальным правом какого-либо государства, которое при отсутствии его указания сторонами в договоре будет определяться судом на основании соответствующих коллизионных привязок. А с учетом того, что торговые обычаи в принципе не признаются источниками права, они по общему правилу не должны противоречить даже императивным нормам материального права, применимого к договорному обязательству, не говоря уже о «сверхимперативных» нормах. Невозможность в данном случае для сторон выбирать в качестве применимого материального права *lex mercatoria*, исключая национальное право, может также рассматриваться в качестве ограничения их автономии воли, что в целом негативно воспринимается участниками международных коммерческих сделок, которые очень часто жела-

ют вообще изъять свой спор или договор из-под действия какого-либо национального права.

Вместе с тем, право и доктрина некоторых стран, например США, допускает возможность выбора сторонами *lex mercatoria* для регулирования международных коммерческих договоров. Как отмечает в этой связи А.С. Комаров, в комментарии к ст. 1-302 ЕТК США указано, что стороны могут договориться о том, что их договор будет регулироваться не положениями ЕТК США, а признанным сводом норм или принципов, применимым к коммерческим операциям, в частности Принципами международных коммерческих договоров УНИДРУА (далее — Принципы УНИДРУА) [13, с. X]. Это, помимо прочего, свидетельствует о некотором ослаблении принципа «локализации» договора применительно к США. Кроме того, А.С. Комаров отмечает, что подобная тенденция в признании *lex mercatoria* в качестве материального права наблюдается и в осуществляемом в настоящее время пересмотре Римской конвенции 1980 года. В настоящее время в п. 13 Преамбулы Регламента «Рим I» сказано, что Регламент «Рим I» не запрещает сторонам включать посредством отсылки в свой договор негосударственное право или международное соглашение. В ст. 10 Межамериканской конвенции 1994 года содержится норма, согласно которой «руководства, обычаи и принципы международного коммерческого права, а также общепринятые торговые обыкновения и практика также применимы для обеспечения в конкретном случае правосудия и справедливости». По мнению А.Б. Покровской, это предписывает органу, компетентному рассматривать спор, принимать во внимание признаваемые международными организациями общие принципы международного коммерческого права [12, с. 366]. Очевидно, что в соответствии со ст. 10 Межамериканской конвенции 1994 года вопрос о применении негосударственных регуляторов, на которые стороны будут ссылаться в качестве источников *lex mercatoria*, должен разрешаться судом применительно к каждому конкретному случаю (спору).

Учитывая неодинаковое и во многом отрицательное отношение государственных судебных органов к *lex mercatoria* в качестве *lex contractus*, вполне понятно желание сторон международного коммерческого договора обратиться за разрешением спора не в государственный суд, а в арбитраж, т.е. третейский суд, где им предоставлена возможность более свободно подходить к формулированию в своем договоре положений о подлежащем применению праве и смело указывать в качестве применимого права *lex mercatoria*, формулируя это в общем виде, либо указывая на конкретные источники *lex mercatoria* (Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права) в качестве *lex contractus*. При этом

возможность применения арбитражем того или иного источника международного торгового права в качестве *lex contractus* во многом зависит от общепризнанности такого источника, а в ряде случаев также от усмотрения конкретного международного арбитража.

Принципы УНИДРУА, например, применяются в качестве материального права практически всеми международными коммерческими арбитражами, как институциональными, так и *ad hoc*, причем применяются арбитражами в качестве *lex contractus* не только при указании сторонами именно на них, но и при указании на общее *lex mercatoria*. Кроме того, как отмечает Н.Г. Вилкова, известный международный Арбитражный суд при Международной торговой палате в Париже применял Принципы УНИДРУА и в том случае, когда стороны в качестве применимого права к своему международному коммерческому контракту указывали принципы естественного права (*Principles of Natural Justice*) и т.п. [1, с. 213].

Аналогичным образом, на наш взгляд, должен решаться вопрос о возможности применения арбитражами Принципов европейского договорного права. Вместе с тем, когда стороны в качестве *lex contractus* указывают общее *lex mercatoria*, определить, что подлежит применению — Принципы европейского договорного права или Принципы УНИДРУА, представляется затруднительным и будет зависеть от многих условий: места рассмотрения спора, национальности участников спора и в целом от усмотрения конкретного международного арбитража.

Список литературы

1. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. — М., 2004.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. А.М. Эрделевского. — М., 2002.
3. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: правовое регулирование. — М., 2003.
4. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное право. — М., 2001.
5. Луц Л.А. Внешнеторговая купля-продажа (коллизийные вопросы). — М., 1972.
6. Международное частное право: Иностранное законодательство / сост. и науч. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. — М., 2002.
7. Международное частное право. Современные проблемы / отв. ред. М.М. Богуславский. — М., 1994.
8. Международное частное право: Учеб. для вузов / под ред. Н.И. Марышевой. — М., 2000.
9. Международное частное право: Учеб. / отв. ред. Г.К. Дмитриева. — М., 2004.
10. Монастырский Ю.Э. Господствующие доктрины коллизионного права в США: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999.

11. *Мосс Д.К.* Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража. — М., 1996.

12. *Покровская А.Б.* Соглашение о праве, применимом к гражданско-правовым сделкам, осложненным иностранным элементом // Актуальные проблемы международного частного права: Сб. ст. Вып. 5 / под ред. В.В. Витрянского. — М., 2002.

13. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА / вступ. ст. А.С. Комарова. — М., 2004.

14. *Стригунова Д.П.* Правовое регулирование международного туризма в РФ. Внешнеэкономические сделки: Моногр. — М., 2009.

15. *Стригунова Д.П.* Правовое регулирование международного туризма: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.

16. *Толстых В.Л.* Международное частное право: коллизионное регулирование. — СПб., 2004.

17. *Третьяков С.В.* Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: Автореф. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.

18. *Ходыкин Р.М.* Новое в регулировании договорных обязательств в аспекте международного частного права // Вестник ВАС РФ. 2003. № 10.

19. *Чешир Дж., Норт П.* Международное частное право / под ред. М.М. Богуславского. — М., 1982.

Realization of the Principle of the Autonomy of Will of the Parties in the International Commercial Contracts

Dina P. Strigunova,

Cand. in Law, Deputy Head of Dept. of Business and Labor Law
in State University of Management
Russia, Moscow
dina_str@list.ru

Realization of the principle of the autonomy of will of the parties of the international commercial contracts is examined. The author substantiates the possibility of application national legislation and international legal instruments and principles in specific relationships.

Keywords: international commercial contract, autonomy of will of the parties, limitation of the autonomy of will of the parties.

References

1. *Vilkova N.G.* Dogovornoe pravo v mezhdunarodnom oborote. — М., 2004.

2. *Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' tret'ja: Postatejnyj nauchno-prakticheskiy kommentarij / pod obshh. red. A.M. Jerdelevskogo.* — М., 2002.

3. *Kanashevskij V.A.* Vneshneekonomicheskie sdelki: pravovoe regulirovanie. — М., 2003.

4. *Koh H., Magnus U., Vinkler fon Morenfeld's P.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i sravnitel'noe pravovedenie. — М., 2001.

5. *Lunc L.A.* Vneshnetorgovaja kuplja-prodazha (kollizionnye voprosy). — М., 1972.

6. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Inostrannoe zakonodatel'stvo / sost. i nauch. red. A.N. Zhil'cov, A.I. Muranov.* — М., 2002.

7. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Sovremennye problemy / otv. red. M.M. Boguslavskij.* — М., 1994.

8. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Ucheb. dlja vuzov / pod red. N.I. Maryshevoj.* — М., 2000.

9. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Ucheb. / otv. red. G.K. Dmitrieva.* — М., 2004.

10. *Monastyrskij Ju.Je.* Gospodstvujushhie doktriny kollizionnogo prava v SShA: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — М., 1999.

11. *Moss D.K.* Avtonomija voli v praktike mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. — М., 1996.

12. *Pokrovskaja A.B.* Soglasenie o prave, primenimom k grazhdansko-pravovym sdelkam, oslozhnennym inostrannym jelementom // Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo chastnogo prava: Sb. st. Vyp. 5 / pod red. V.V. Vitranjskogo. — М., 2002.

13. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА / вступ. ст. А.С. Комарова. — М., 2004.

14. *Strigunova D.P.* Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnogo turizma v RF. Vneshneekonomicheskie sdelki: Monogr. — М., 2009.

15. *Strigunova D.P.* Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnogo turizma: Dis. ... kand. jurid. nauk. — М., 2009.

16. *Tolstyh V.L.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: kollizionnoe regulirovanie. — Spb., 2004.

17. *Tret'jakov S.V.* Juridicheskaja priroda avtonomii voli v mezhdunarodnom chastnom prave: Avtoref. ... kand. jurid. nauk. — М., 2003.

18. *Hodykin R.M.* Novoe v regulirovanii dogovornyh objazatel'stv v aspekte mezhdunarodnogo chastnogo prava // Vestnik VAS RF. 2003. № 10.

19. *Cheshir Dzh., Nort P.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo / pod red. M.M. Boguslavskogo. — М., 1982.